

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.102-117

С. А. Чеховская

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Способы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде

Резюме. Статья посвящена анализу технологических изменений в сфере предпринимательства и их влияния на категорию правосубъектности. Цифровая предпринимательская среда основывается на совокупности социальных регуляторов, состоящей из инструментов различного вида: нормативно-правовых, технических, этических и саморегулирования. Для реализации правосубъектности в цифровой среде явно недостаточно признания отдельного лица правосубъектным в традиционном понимании, без выполнения условий доступа к цифровой среде и функционирования в ней. Развитие категории правосубъектности под влиянием цифровизации общественной жизни связано с интеграцией технологических и правовых подходов, отражающих динамику правосубъектности. Автор отмечает, что накопление эмпирических наблюдений за развитием цифровых технологий и расширением сфер их применения повлечет за собой как пересмотр классического понимания категории правосубъектности в сторону формирования гибридной правосубъектности, или квазисубъектности, для отдельных цифровых образований, так и расширение субъектного состава правоотношений. Социальное регулирование, основанное на сочетании нормативно-правового регулирования, технических норм и инструментов саморегулирования, меняет традиционные границы понимания того, что есть субъект права в современной правовой системе, создавая новые формы правового взаимодействия.

Ключевые слова: правосубъектность; предпринимательская деятельность; цифровая предпринимательская среда; идентификация в цифровой среде; цифровая экономика; цифровые платформы; социальное регулирование; децентрализованные автономные организации; кооперативы данных; искусственный интеллект; обычное право цифровой среды

Для цитирования: Чеховская С. А. Способы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 102–117. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.102-117

Methods of Exercising Legal Personality in the Digital Entrepreneurial Environment

Svetlana A. Chekhovskaya

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the analysis of technological transformations in the sphere of entrepreneurship and their impact on the concept of legal personality. The digital entrepreneurial environment rests upon a complex of social regulators, encompassing instruments of different types, namely: normative-legal, technical, ethical, and self-regulatory. Within the digital environment, the mere recognition of an individual as possessing legal personality in the traditional sense is clearly insufficient without meeting the requirements for access to, and functioning within entrepreneurship environment. The evolution of the category of legal personality under the influence of digitalization of social life is linked to the integration of technological and legal approaches that reflect the dynamic nature of legal personality. The paper highlights that the accumulation of empirical observations on the development of digital technologies and the expansion of their application will lead both to a reconsideration of the classical understanding of legal personality — towards the formation of hybrid personality, or quasi-personality, for certain digital entities — and to an expansion of the range of subjects participating in

© Чеховская С. А., 2025

legal relations. Social regulation, based on the combination of normative-legal regulation, technical standards, and self-regulatory instruments, is transforming the traditional boundaries of what constitutes a subject of law within the modern legal system, thereby generating new forms of legal interaction.

Keywords: legal personality; entrepreneurial activity; digital entrepreneurial environment; identification in a digital environment; digital economy; digital platforms; social regulation; decentralized autonomous organizations; data cooperatives; artificial intelligence; common law digital environment

Cite as: Chekhovskaya SA. Methods of Exercising Legal Personality in the Digital Entrepreneurial Environment. *Lex russica*. 2025;78(12):102-117. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.102-117

Введение

В настоящее время становится очевидным, что активно формируется организованная виртуально область человеческой деятельности, с которой связываются интересы, представляющие самостоятельную ценность¹ (часто без привязки к реальным физическим объектам). Реализацию своих интересов лица осуществляют, используя ту инфраструктуру и те инструменты, которые в данной среде позволяют это делать.

Рост национальной цифровой экономики² и развитие предпринимательства в цифровой среде обуславливают необходимость адаптации правовых институтов к новым реалиям. Создаются цифровые объекты, приобретающие качество блага, способного удовлетворять потребности лица, и право опосредует связь между таким объектом и субъектом, делая ее юридической³, тем самым цифровые

объекты становятся объектами субъективных прав.

Следует обратить внимание на особенность идентификации таких объектов в гражданском обороте, которая состоит в определении цифровых кодов и последовательности действий в цифровой системе, признаваемой действующим правовым режимом. Аналогичным образом происходит идентификация субъекта. Вполне закономерны в таких случаях утверждения ученых о возможности отказа от традиционного понимания гражданского правоотношения, поскольку его элементы — субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников — получают просто специфическое закрепление в информационной системе⁴. То есть традиционное разделение правовых явлений на субъекты и объекты в цифровой среде довольно условно, так как и те и другие существуют только в виде цифрового кода⁵. Парал-

¹ По мнению А. В. Полякова, выделяется несколько пересекающихся смыслов понятия «ценность»: как способность вещей и явлений окружающего мира воздействовать на субъекта таким образом, что они воспринимаются как блага, побуждающие стремиться к ним и добиваться обладания ими; как общие принципы целесообразной деятельности, отправляясь от которых человек приписывает тем или иным объектам практическую значимость, побуждающую его действовать, вести себя определенным образом. См.: Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 308–309.

² Согласно исследованиям, удельный вес организаций (в общем их числе), использующих технологии сбора, обработки и анализа больших данных, в 2020 г. составил 22,4 %, в 2022 г. — 30,4%; организаций, использующих облачные сервисы, в 2020 г. — 25,7 %, в 2022 г. — 28,9 %; организаций, использующих центры обработки данных, в 2020 г. — 13,6 %, в 2022 г. — 16,5 %; организаций, использующих технологии ИИ, в 2020 г. — 5,4 %, в 2022 г. — 6,6 %. См.: URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2024_indikatorovy_cifrovoy_ekonomiki_2024_statisticheskii_sbornik_vshe/?ysclid=m81us6kdug678638669 (дата обращения: 09.03.2025).

³ См.: Общая теория права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1995. С. 249 ; Новоселова Л. А., Полежаев О. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172 ; Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25–36.

⁴ Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 64.

⁵ См. об этом также: Чеховская С. А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 135.

тельно существующие реальная и виртуальная сферы устроены по-разному (прежде всего в отношении порядка идентификации), однако соединены они, так или иначе, путем наличия и реализации воли и интереса лица — субъекта права.

В цифровой среде взаимодействие лиц осуществляется в первую очередь посредством соответствующим образом организованных цифровых (информационных)⁶ систем, которые, как замечают Л. А. Новоселова и О. А. Полежаев, «можно назвать уже не дополнением имуществ, а их важнейшими и основными компонентами, без которых владение, пользование или распоряжение благами по их целевому назначению становится физически невозможным»⁷.

В целом правосубъектность реализуется через комплекс юридических, технических и организационных процедур и инструментов, которые обеспечивают участие субъектов в цифровых экономических отношениях.

Основные специальные способы такой реализации: идентификация в цифровой среде (например, верификация на маркетплейсах, в соцсетях, на криптобиржах, блокчейн-идентификация и др.); совершение юридически значимых действий (создание децентрализованных автономных организаций, совершение сделок посредством блокчейна и др.); защита нарушенных прав (так называемый платформенный арбитраж, разрешение разногласий на платформах eBay, Airbnb и др.); технологические методы (автоматические штрафы, блокировка аккаунтов и др.).

Одно из ключевых условий реализации правосубъектности в этой сфере — идентификация лица и объектов права в цифровой системе. Проблемы правовой идентификации субъектов

в этом пространстве связаны с возможностью лица действовать анонимно, что, в частности, создает трудности при определении субъекта ответственности в цифровой среде.

Внешнее выражение субъекта в правовом смысле должно быть проявлено путем закрепления порядка, позволяющего установить его обособленность и автономность, возможность его идентификации, выраженную им волю. Кроме того, субъект выступает структурным элементом правоотношений.

Появление различных правовых форм деятельности субъектов вызвано, как правило, теми или иными экономическими потребностями, определяющими и правовые контуры этих форм.

Значимость идентификации наглядно видна при необходимости установить личность правонарушителя в цифровой среде, например в спорах, касающихся защиты владельцев украденных токенов. В этих случаях суды использовали токенизированные уведомления при вынесении решений в отношении анонимных ответчиков. Так, в деле *Фабрицио Д'Алойя против нескольких криптовалютных бирж* (Fabrizio D'Aloia v. Binance Holdings Limited & Ors (2024) EWHC 2342 (Ch)) сначала в 2022 г. Высокий суд Великобритании выдал истцу постановление, разрешающее вручать повестки неизвестным лицам с помощью невзаимозаменяемого токена (NFT)⁸, установив возможность отследить кошельки на криптобирже. Практику использования судом токенизированных уведомлений⁹ с отправкой на цифровые кошельки анонимных ответчиков продолжил суд Гонконга¹⁰. После получения такого уведомления любые транзакции будут рассматриваться как правонарушение, а в случае нарушения запрета на проведение транзакций биржи должны предпринять

⁶ Здесь и далее термины «цифровая система» и «информационная система» используются как синонимы, хотя, строго говоря, их позволяет считать таковыми только то, что обработка данных в этих системах осуществляется с помощью технологий, на которых они основаны. В силу п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448) под информационной системой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

⁷ Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Указ. соч.

⁸ URL: <https://cms-lawnow.com/en/ealerts/2024/09/d-alolia-v-persons-unknown-english-high-court-clarifies-law-on-crypto-and-constructive-trusts> (дата обращения: 20.01.2025).

⁹ Речь идет о токене, в который вшито сообщение с текстом судебного извещения.

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6787b4c99a794708047b99f8?ysclid=m7vs2ai76t290361893> (дата обращения: 05.03.2025).

¹¹ Черданцев А. Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 105.

меры к полной блокировке этих кошельков. Таким образом, созданы новые судебные цифровые инструменты, позволяющие косвенно идентифицировать правонарушителя, — без их применения защита нарушенных прав традиционными методами была просто невозможна.

Учитывая вышеизложенное, представляется значимым выявление особенностей условий и правовых форм (способов) реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде. Виртуальная реальность, существующая параллельно с физической реальностью, воспринимается нами посредством понятий и категорий, сформированных в последней. Однако формируемые цифровые явления требуют иного взгляда и научного объяснения или как минимум переосмысления традиционных понятий.

Научная задача, состоящая прежде всего в наблюдении за происходящими изменениями, выявлении факторов, влияющих на правовые институты и понятия, — одна из главных в современный период. Очевидно, что результаты научных исследований могут служить важной базой формирования адекватного правового регулирования в дальнейшем. Поэтому актуально мнение А. Ф. Черданцева, который писал: «В основу нормативных решений должно быть положено знание, во-первых, действительности, характера регулируемых общественных отношений, возможных вариантов поведения, деятельности людей в одних и тех же условиях... то есть знание тех обстоятельств действительности, которые следует учитывать в процессе правотворчества; во-вторых, знание сущности, характера, содержания существующей системы права, возможностей права как регулятора общественных отношений»¹¹. Посте-

пенное накопление эмпирического материала позволит теоретически обосновать и выявить пути развития традиционных правовых институтов в цифровую эпоху.

Фактические данные о развитии технологий создают опору для юридических предположений. Так, например, корпорация Neuralink, разрабатывающая нейроинтерфейсы для связи мозга с компьютером¹², в 2024 г. в медицинских целях провела первую имплантацию интерфейса «мозг-компьютер» (BCI) человеку¹³.

Можно предположить, что правосубъектность физического лица, в организм которого был имплантирована определенного рода интеллектуальная технология, будет отличаться от правосубъектности лица без подобного импланта. Широкое распространение цифровых технологий, сбор и анализ эмпирического материала постепенно позволят давать правовую оценку происходящим в обществе технологическим изменениям.

Кроме того, внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в обыденную жизнь физических и юридических лиц так или иначе потребует ответа на вопрос, возможно ли признание определенной категории специальной правосубъектности автономных роботов и систем общего ИИ. Вклад в поиск ответа уже делается учеными¹⁴. Поскольку системы ИИ создаются с разным уровнем автономности, очевидно, что их правовой режим не должен быть единым. Аналогичный подход применяется действующим законодательством при определении дееспособности ребенка в зависимости от возраста.

Сейчас остается наблюдать за практикой применения новых интеллектуальных инструментов, таких, например, как универсаль-

¹² Компаний, специализирующихся на создании подобных технологий, с каждым годом появляется на рынке всё больше, например Blackrock Neurotech (URL: <https://blackrockneurotech.com/our-story/> (дата обращения: 06.03.2025)), Synchron (URL: <https://synchron.com/> (дата обращения: 06.03.2025)).

¹³ URL: <https://neuralink.com/blog/prime-study-progress-update/> (дата обращения: 06.03.2025).

¹⁴ Например: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018 ; Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77. № 4. С. 9–23 ; Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review, 1992. Vol. 70. P. 1231 ; Illinois Public Law Research Paper No. 09-13. URL: <https://ssrn.com/abstract=1108671> ; Calo R. Robots in American Law // Legal Studies Research Paper № 2016-04 ; Genderen R. H. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? // Robotics, AI and the Future of Law / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, N. Forgó. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2018. P. 15–55 ; Lovell J. Legal Aspects of Artificial Intelligence Personhood: Exploring the Possibility of Granting Legal Personhood to Advanced Ai Systems and the Implications for Liability, Rights and Responsibilities (May 10, 2023) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4749785>.

ный ИИ-агент «Оператор», появившийся на рынке в январе 2025 г. Компания OpenAI объявила, что запускает предварительную версию этой интеллектуальной системы, способную управлять веб-браузером и самостоятельно выполнять определенные действия от имени пользователя, принимая решения с минимальным участием человека (не исключается и заключение сделок)¹⁵, учитывая как этические моменты, так и возможность злоупотреблений при наделении ИИ правосубъектностью.

Особенности цифровой предпринимательской среды обусловлены ее виртуальной и трансграничной природой, они могут проявляться в следующем:

— цифровое предпринимательство основано на использовании интернет-технологий и цифровых сервисов, что позволяет бизнесу функционировать и управляться без привязки к физическому пространству из любой точки мира; сотрудники, партнеры и клиенты могут находиться в разных странах (помимо известных технологических гигантов, многие компании, например GitLab¹⁶, работают в формате удаленных команд);

— применение цифровых технологий помогает снижать транзакционные издержки, ускорять и масштабировать бизнес-процессы;

— цифровая предпринимательская среда не имеет территориальных границ и глобальна, что меняет принципы конкуренции, регулирования (цифровые продукты и услуги сразу доступны в любой точке мира, например Spotify и Netflix работают в различных странах, адаптируя контент под локальные аудитории);

— возможность анонимно быть участником отношений в цифровой среде повышает значимость закрепления порядка установления достоверных данных о лицах, вовлеченных в эти отношения, подтверждения фактов совершения ими юридически значимых действий в рамках цифровой инфраструктуры с использованием специальных технических средств;

— отдельные цифровые технологии (прежде всего блокчейн) позволяют осуществлять экономическую деятельность без специального юридического оформления, например путем создания децентрализованных автономных организаций (Decentralized Autonomous Organization, DAO, ДАО);

— возможность принятия автоматизированных решений и использования ИИ в бизнес-процессах.

Краткая характеристика традиционного понимания правосубъектности

Доктрина права доцифровой эпохи не выработала единого подхода¹⁷ к пониманию правосубъектности, но ключевым признаком этого понятия подавляющее большинство ученых считают наличие у лица признанного правопорядком состояния, которое позволяет ему выступать субъектом правовых отношений, обладать правами и обязанностями и реализовывать их.

Категория правосубъектности продолжает иметь теоретическое и практическое¹⁸ значение не только под влиянием технологических изменений. Правосубъектность — индивидуализированная правовая характеристика лица,

¹⁵ URL: <https://techcrunch.com/2025/01/23/openai-launches-operator-an-ai-agent-that-performs-tasks-autonomously/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁶ URL: <https://about.gitlab.com/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁷ Прежде всего речь идет о нескольких основных концепциях:

1) полное отрицание самостоятельного значения этой научно-правовой категории (представителем этой группы исследователей является Н. И. Матузов, см.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 84);

2) правосубъектность как совокупность право- и дееспособности (например: Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 139);

3) совокупность правоспособности, дееспособности и деликтоспособности (например: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М. : Наука, 1977. С. 194 ; Мицкевич А. В. Избранное. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2010. С. 150–151);

4) равнозначность понятий «правосубъектность» и «правоспособность» (например: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6).

¹⁸ См., например, исследование проблемы правосубъектности прекращенного юридического лица при применении п. 5.2 ст. 64 ГК РФ: Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.

показывающая, в каких именно правоотношениях данный субъект может иметь права и обязанности. Являясь таковой, правосубъектность постепенно становится общеправовой категорией, но особое звучание приобретает в отраслевом преломлении.

Так, О. А. Красавчиков¹⁹, развивая взгляды о гражданской правосубъектности, отмечал, что правосубъектность с точки зрения своего юридического содержания, своей юридической сущности представляет собой именно социально-правовую способность, юридическое качество лица, а реализация юридических способностей, заключенных в правосубъектности, не поставлена в исключительную зависимость от воли субъекта.

Правосубъектность в юридической доктрине рассматривается как статическое и динамическое состояние (взгляды на данное качество рассматриваемой категории также разнятся). Содержание категории правосубъектности наполняется именно благодаря ее динамическому элементу, который необходим для понимания пределов правовых возможностей. В этом смысле идея данной статьи согласуется с позицией В. Ф. Яковлева²⁰, который считал, что правосубъектность означает, с одной стороны, наделение субъектов определенными социально-правовыми возможностями, а с другой — установление их пределов, границ, то есть само наделение правосубъектностью практически происходит путем указания на те возможности и способности, которые признаются за субъектом. Более того, по мнению А. Л. Шнгабутдиновой²¹, исследовавшей правосубъектность в контексте правореализации, этот ключевой юридический признак требует рассмотрения специфики функций структурных элементов в процессе правоприменения, так как статический и динамический элементы правосубъектности имеют различное социальное и юридическое содержание и приобретают разные функции при реализации права. Автор полагает, что такой подход позволит определить не только наличие юридического потенциала

участия лица в правоотношениях, но и правовые границы и риски такого участия. Совокупность статического и динамического элементов правосубъектности полнее раскрывает функциональное назначение этой категории.

Основные проблемы реализации правосубъектности в цифровой предпринимательской среде

Правовые контуры цифровой предпринимательской среды в целом на национальном уровне²² определяются совокупностью правовых актов, регулирующих цифровую экономику, электронную коммерцию, защиту данных и другие аспекты предпринимательской деятельности в цифровой сфере. Инфраструктура цифровой предпринимательской среды включает совокупность инструментов, технологий, институтов и сервисов, обеспечивающих развитие предпринимательства в этой области.

В контексте исследуемой темы нужно обратить внимание на специальные правосубъектные предпосылки возникновения правовых связей. Опираясь на выявление статических и динамических элементов правосубъектности в цифровой предпринимательской среде, рассмотрим специфику ее реализации.

Одна из важнейших особенностей формирования правосубъектных связей лиц в цифровом пространстве в целом и в предпринимательской среде в частности заключается в том, что они возникают не только на основе правил, устанавливаемых государством. Поскольку формирование сети Интернет объективно могло основываться только на саморегулировании, российское законодательство восприняло именно этот принцип, закрепив в п. 2 ст. 15 Закона об информации, информационных технологиях и о защите информации, что контроль за применением информационно-телекоммуникационных сетей, доступ к которым не ограничен, осуществляется в соответствии с международными стандартами и с учетом опыта саморегулируемых ор-

¹⁹ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 11–19.

²⁰ Яковлев В. Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Вып. 62. С. 39.

²¹ Шнгабутдинова А. Л. Правосубъектность и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 7.

²² Будут приняты во внимание лишь акты Российской Федерации, несмотря на то что цифровая среда строится с использованием сети Интернет, которая не знает национальных границ как таковых.

ганизаций в этой сфере. Правила использования других информационно-телекоммуникационных сетей определяются их владельцами с соблюдением установленных в этом Законе требований. А в силу п. 6 ст. 13 указанного Закона порядок разработки и использования информационных систем, которые не относятся к государственным или муниципальным, регулируется операторами в соответствии с действующим законодательством. Тем самым в современный период реализация правосубъектности лиц в цифровой среде подчиняется в том числе правилам алгоритмизированного порядка, предусмотренного владельцами цифровых систем и разработчиками программного инфраструктурного обеспечения функционирования Интернета (протоколы передачи данных, облачные технологии, серверное программное обеспечение и др.).

Такой подход к правовому регулированию цифровой среды способствовал, с одной стороны, формированию специального рода обычаев²³, особенностью которых является то, что сложившиеся правила поведения регулируют общественные отношения, которые возникают и изменяются дистанционно, без непосредственного взаимодействия субъектов, применяются в интернет-пространстве с использованием соответствующих технических устройств²⁴.

С другой стороны, обычное право цифровой среды создается операторами цифровых платформ путем закрепления собственных правил (пользовательские соглашения, алгоритмы модерации и др.). Поскольку регулирование цифровой среды включает правила платформ, которые могут влиять на границы правосубъектности пользователей (например, в прави-

лах платформ могут закрепляться различные статусы пользователей — «верифицированные авторы», «эксперты», «партнеры» — для наделяния их особыми правами и обязанностями), встает вопрос о самостоятельной «платформенной» правосубъектности, что требует отдельного исследования.

Стоит отметить, что быть субъектом правоотношений в цифровой среде лицо может при определенных условиях²⁵, от выполнения которых зависит наличие или отсутствие самой возможности реализации правосубъектности в этой сфере. Цифровая правосубъектность предполагает включенность лица в технологическую инфраструктуру (умение использовать Интернет, облачные сервисы, цифровые платежные системы), то есть реализация правосубъектности в цифровой среде зависит от наличия у субъекта соответствующих технических средств и навыков их использования.

В свете этого возрастает значимость технического регулирования цифровой предпринимательской среды посредством стандартов, протоколов и других технических механизмов, направленных на обеспечение безопасности, качества и совместимости цифровых технологий²⁶.

Цифровая среда должна технически, организационно и юридически гарантировать владение цифровыми объектами, то есть совокупность указанных инструментов должна надежно идентифицировать²⁷ лицо как обладателя прав на них, а также осуществлять контроль доступа к ним. Наиболее эффективным методом обеспечения выполнения этих двух условий выступают блокчейн-решения — особый тип цифровой архитектуры, объединяю-

²³ Харитонова Ю. С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 2–9.

²⁴ Долгов С. Ф. Правовой обычай: современный взгляд на понятие // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 8. № 3. С. 35.

²⁵ Об этом см.: Бурьянова Е. И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 7.

²⁶ Техническое регулирование как сложная система национальных актов, международных стандартов и организационных механизмов охватывает такие аспекты, как кибербезопасность, защита данных, стандарты программного обеспечения и аппаратных решений, регулирование интернет-инфраструктуры и цифровых финансовых инструментов.

²⁷ В зависимости от контекста (государственные услуги, финансы, интернет-сервисы) используются разные комбинации инструментов идентификации: ISO/IEC 24760 (система управления идентичностью); ISO/IEC 29115 (уровни гарантии идентификации); FIDO (Fast Identity Online), протоколы FIDO2, WebAuthn и UAF позволяют выполнять аутентификацию без паролей (например, с использованием биометрии и токенов); OIDC (OpenID Connect) и OAuth 2.0; eIDAS (электронная идентификация в ЕС); DID (Decentralized Identifiers) от W3C (поддерживает концепцию децентрализованных идентификаторов для Web 3.0 и блокчейна).

щий сеть взаимосвязанных компьютеров, которая регистрирует транзакции участников этой сети в одно и то же время и в разных местах. Эти решения определяют, кому были переданы объекты (данные), и предоставляют технические механизмы, позволяющие исключить доступ к ним других лиц.

Понятие цифровой предпринимательской среды тесно связано с понятием цифрового рынка, но они охватывают различные аспекты цифровой экономики. Цифровая предпринимательская среда создает условия для функционирования цифрового рынка, но не ограничивается им и включает в себя все условия и институты, способствующие развитию предпринимательской деятельности в цифровой сфере. Речь идет прежде всего о формировании устойчивой и безопасной правовой сферы, где субъекты могут реализовывать свои права и обязанности посредством использования соответствующей инфраструктуры (Интернет, облачные технологии, платформы, цифровые системы оплаты), а также экосистемы, основанной на доверии и сотрудничестве, в то время как цифровой рынок является сферой взаимодействия продавцов и покупателей товаров, услуг, данных и технологий в цифровом пространстве с использованием цифровых платформ, интернет-технологий и электронных средств коммуникации.

Такое разграничение понятий имеет правовое значение. Это наглядно видно при анализе Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»²⁸, который устанавливает правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации и регулирует отношения между операторами посреднических цифровых платформ и их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг. При этом под платформенной экономикой понимается совокупность имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях. Очевидно, что такое узкое понимание платформенной экономики и

фактически регламентация деятельности только посреднических платформ, то есть части цифрового рынка, не способствует адекватному правовому регулированию этой сферы.

Представляется, что правовое обеспечение цифровых платформенных отношений в целом (не только возникающих в рамках цифровых посреднических платформ) должно содержать конкретные нормы, обеспечивающие в совокупности: поддержание непрерывности деятельности платформ; закрепление специальных требований к информационной безопасности, раскрытию данных; регулирование ситуаций, связанных с операционными сбоями, мошенническими схемами; установление мер контроля отчетности в этой сфере в целях минимизации рисков финансовой нестабильности операторов цифровых платформ, выявления системных негативных для экономики и общества значимых факторов; обеспечение реализации прав и законных интересов субъектов платформенной инфраструктуры и пользователей путем гарантирования конкурентного доступа к платформе, сохранности данных на платформе, возможности перехода со своими данными с платформы на платформу; недопущение навязывания платформами собственных сервисов и создания дискриминационных условий.

Так или иначе, законопроектные инициативы по упорядочению цифровой предпринимательской среды подтверждают необходимость поиска наиболее адекватного комплексного подхода к ее специальному регулированию, обеспечивающего баланс интересов всех участников цифровой предпринимательской инфраструктуры.

Особенность цифровой среды заключается в том, что современные технологии служат инструментом осуществления коллективной деятельности без легализации организационного единства, согласования воли и действий, имеющих правовое значение, заинтересованных в определенном проекте лиц. Благодаря технологиям лица вступают в цифровое взаимодействие друг с другом, в том числе в целях предпринимательской деятельности, просто зарегистрировавшись в цифровой системе по установленным ее оператором правилам и став участниками такой цифровой организации. Примером может служить ДАО²⁹ — ци-

²⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 31.07.2025.

Закон вступит в силу 1 октября 2026 г.

²⁹ ДАО заслуживают того, чтобы обратить на них внимание, поскольку в последнее время вопросами изучения децентрализации стали заниматься специально созданные научные организации. Так, Центр

фровая организация, работающая на основе технологии блокчейн, обладающая высокой операционной эффективностью, что позволяет функционировать без официального признания ее как особой организационно-правовой формы³⁰. ДАО являются альтернативой централизованной иерархической модели управления, они представлены на рынке в различных видах в зависимости от функциональной направленности³¹. Очевидно, что по мере широкого распространения этой формы ведения бизнеса³² могут остро вставать вопросы, связанные с неопределенностью правового статуса³³, риском неограниченной ответственности участников и др.

Но наиболее значимым видится то, что рассматриваемая цифровая форма осуществления предпринимательской деятельности позволяет задуматься над изменением подхода к характеристике правосубъектности: отталкиваться не от вида субъекта, а от его функций. Другими словами, на основе такого понимания правосубъектности ДАО могут быть признаны само-

стоятельными субъектами права как цифровое предпринимательское сообщество, если они выполняют функции, аналогичные функциям юридических лиц. Либо может быть разработана категория гибридной правосубъектности для дифференциации правовых режимов таких организаций.

Примечательно также использование цифровых технологий гражданами для совместного управления данными о себе посредством так называемых кооперативов данных (data coops)³⁴, которые создаются скорее как модель экономической организации (не всегда имеют юридическую форму, а действуют как гражданское сообщество) и обозначают, по сути, другую парадигму управления данными, альтернативную общепринятому порядку защиты персональных данных. Главные цели таких кооперативов: защита конфиденциальной информации, получение аналитических данных на основе переданных данных и добровольный обмен данными для общественного блага и/или экономической выгоды для его членов.

исследований децентрализации (Decentralization Research Center, DRC), являющийся некоммерческой организацией, работает с 2021 г., публикует исследования и проводит совместные мероприятия с ведущими академическими институтами, включая Гарвардский и Стэнфордский университеты, а также осуществляет множество экспериментов в сфере управления. URL: thedrccenter.org (дата обращения: 04.03.2025).

³⁰ *Borgogno O., Martino E. D. Decentralised Autonomous Organizations: Targeting the Potential Beyond the Hype* (January 12, 2024) // European Banking Institute Working Paper Series 161 ; Amsterdam Law School Research Paper No. 2024-02 ; Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper No. 2024-01. URL: <https://ssrn.com/abstract=4692754> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4692754> (дата обращения: 20.02.2025).

³¹ Например, почти все основные цифровые финансовые платформы DeFi (модель предоставления финансовых услуг) управляются ДАО.

³² Определение точного количества ДАО как в России, так и за рубежом затруднено из-за отсутствия их единого реестра, а также динамичного развития этой сферы. В разных источниках количество различных ДАО, включая DeFi-проекты, оценивают в несколько тысяч. Постоянно обновляемые каталоги ДАО доступны, например, на сайте DeepDAO (Discovery Engine for DAO Ecosystem). URL: <https://deepdao.io/organizations> (дата обращения: 09.03.2025).

³³ Однако в некоторых штатах США, таких как Вермонт, Вайоминг, Теннесси, Юта и Нью-Гэмпшир, были приняты законы, позволяющие легализовать деятельность ДАО. Например, в штате Вермонт прямо предусмотрена возможность создания новой формы компании с ограниченной ответственностью на основе блокчейна (BLLC), которая может использовать любые алгоритмы для проведения своих операций и технологию блокчейна. См.: *Murawsky M. P., Herman K. E. Vermont Continues Its Blockchain Play: A Look inside the State's New Legislation* // Blank Rome. September 13, 2018. URL: <https://www.blankrome.com/publications/vermont-continues-its-blockchain-play-look-inside-states-new-legislation> (дата обращения: 16.02.2025).

³⁴ Например, таких как Salus (URL: <https://www.salus.coop/>), Driver's Seat (URL: <https://www.driversseat.co/>). В России концепция кооперативов данных пока не получила применения, но цифровизация сферы кооперации также осуществляется. Интересна инициатива по созданию платформы «Кооперативная экономика» (URL: <https://цифровой-кооператив.рф> (дата обращения: 24.02.2025)), которая предоставляет единую цифровую среду для кооперации и средства автоматизации деятельности потребительских и производственных кооперативов.

Технологической основой могут служить краудфандинговые платформы (на основе блокчейна)³⁵, участники которых объединяются посредством предоставления данных о себе и коллективно принимают решение о доступе других лиц к анонимизированным данным. Участники такого цифрового кооперативного сообщества сами решают, какие данные о них собираются и с какой целью. На практике они могут легализовать свою деятельность путем создания юридического лица в форме потребительского кооператива, но могут действовать и без такой легализации как гражданское сообщество, объединенное общей целью.

Наиболее популярны кооперативы медицинских данных, анонимизированная версия которых может представлять коммерческий интерес, следовательно, граждане — владельцы данных о себе могут получать прибыль, предоставляя эти данные, либо доходы участников от продажи данных могут направляться на исследования или борьбу с трудноизлечимыми болезнями.

Научные исследования, проведенные за рубежом³⁶, не только демонстрируют потенциал частного правового механизма управления данными, но и показывают риски совместного управления персональными данными (и другими данными о человеке, имеющими ценность при использовании в совокупности), связанные прежде всего с соблюдением строгих протоко-

лов анонимизации данных и мер кибербезопасности.

Широкое распространение³⁷ частного правового порядка управления данными о гражданах требует научного осмысления новых подходов к важнейшим ресурсам цифровой экономики — данным. В настоящее время, когда данные формируют каждый аспект нашей цифровой жизни, ответ на вопрос, кто обладает властью над этим важнейшим ресурсом, имеет серьезные последствия для общества. Устранение неравенства во владении данными и управлении ими является главнейшей задачей регулирования цифровой экономики. Необходимы новые модели управления данными, чтобы устранить этот дисбаланс и способствовать развитию бизнес-моделей, при которых контроль над данными возвращается к создающим их лицам.

Сотрудничество и доверие в цифровой предпринимательской среде, в том числе в области управления данными в частноправовой сфере, должны стать основополагающими принципами цифрового взаимодействия и целью правового обеспечения.

Проблема правосубъектности ИИ в настоящее время остается в большей степени теоретической, но по мере накопления эмпирического материала будет приобретать вполне четкие практические правовые очертания. Повышение уровня автономности интеллектуальных систем постепенно приведет к постановке вопроса о формировании правового механизма, который

³⁵ В России регулируются отношения, возникающие в связи с применением таких платформ только для инвестирования и привлечения инвестиций посредством инвестиционных платформ в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³⁶ Data Cooperatives as Catalysts for Collaboration, Data Sharing, and the (Trans)Formation of the Digital Commons (April 8, 2023) / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. DOI: 10.2139/ssrn.4413371 ; Unlocking the Power of Digital Commons: Data Cooperatives as a Pathway for Data Sovereign, Innovative and Equitable Digital Communities / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. Digital 2023, 3. P. 146–171. DOI: 10.20944/preprints202304.0130.v1 ; Girish Sh., Avery M. Data Cooperative: Enabling Meaningful Collective Negotiation of Data Rights for Communities (December 1, 2022). DOI: 10.2139/ssrn.4414473/.

³⁷ Например, интересен опыт Бразилии по созданию кооперативов данных (см.: Gadoni C. R. Data Cooperatives in Brazil: Applicability and Property Rights (June 8, 2021) // Revista de Direito e as Novas Tecnologias. São Paulo. n. 11. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=4048364>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4048364> (дата обращения: 25.02.2025)). Кроме того, создаются так называемые трасты данных (Data Trust, доверительное управление данными) как цифровые структуры, позволяющие управлять данными в интересах их владельцев или сообществ. Data Trust выступает в роли независимого посредника, который обеспечивает ответственное использование данных, соблюдение прав их владельцев и защиту конфиденциальности. См.: Houser K., Bagby J. W. The Data Trust Solution to Data Sharing Problems (March 5, 2022) // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law, Forthcoming 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4050593>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4050593> (дата обращения: 25.02.2025).

позволит признавать ИИ³⁸ результатом взаимодействия воли людей, воспринимать его как социальное целое, обеспечивающее защищенность лиц, взаимодействующих с такими системами. Можно предположить, что описанный механизм как совокупность определенных характеристик и условий признают самостоятельным субъектом (квазисубъектом). По большому счету это уже будет вопросом конвенционального выбора термина.

При этом анализ юридической литературы³⁹ и судебной практики показывает, что вопросы, связанные с самостоятельностью систем ИИ, их автономностью и ответственностью, а также возможностью/невозможностью признаваться авторами/соавторами (или изобретателями/соизобретателями), не утрачивают актуальности⁴⁰. Кроме того, социальное регулирование в сфере ИИ должно учитывать правила создания и применения ИИ, тонко настроенные на этические нормы⁴¹ и направленные на безопасное, справедливое и ответственное использование таких систем. Следует сделать акцент на таких уже выявленных проблемах, как проявления дискриминации и предвзятости ИИ. Например, в 2018 г. стало известно, что алгоритм найма, разработанный Amazon⁴², демонстрировал предвзятое отношение к женщинам, так как обучался на данных, где преобладали резюме

мужчин. Контроль за процессом создания и функционирования систем ИИ должен выявлять признаки усиления или воспроизведения социальных, гендерных, расовых и других видов предвзятости. Важно обеспечить проведение регулярных проверок алгоритмов на наличие скрытых предрассудков. Особое внимание необходимо уделить обеспечению справедливого, без ущемления прав отдельных групп пользователей доступа к этим технологиям.

Выводы

Цифровая предпринимательская среда основывается на социальной регуляции, состоящей из различного вида инструментов: нормативно-правовых, технических, этических и саморегулирования. Поэтому признания отдельного лица правосубъектным в целом, без выполнения условий доступа к цифровой среде явно недостаточно. Развитие категории правосубъектности под влиянием фактора цифровизации общественной жизни связано с интеграцией технологических и правовых подходов, отражающих динамику правосубъектности.

Накопление эмпирических наблюдений за развитием цифровых технологий и расширением сфер их применения повлечет за собой как

³⁸ Или юнита искусственного интеллекта в концепции, изложенной П. М. Морхатом (*Морхат П. М.* Указ. соч.). Об этом также см.: *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.

³⁹ Например: *Морхат П. М.* Указ. соч. ; *Карцхия А. А.* Правовая охрана достижений искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 4–16 ; *Crouch D. D.* Legal Fictions and the Corporation as an Inventive Artificial Intelligence (January 11, 2022). Forthcoming Chapter in Research Handbooks on Intellectual Property and Artificial Intelligence (R. Abbott, ed., University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper 2022-04) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4081569> ; *Hao Y.* The Rise of ‘Centaur’ Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies (August 10, 2022) // Journal of The Patent and Trademark Office Society. 2024. 104. 71. URL: <https://ssrn.com/abstract=4186684>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4186684> ; *Singye J. U. S.* Inventorship in the Age of AI: The Crucial Role of Human Conception (May 10, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=5052069> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5052069> (дата обращения: 07.03.2025).

⁴⁰ По известному делу Талера (Thaler) в настоящий момент согласуются позиции Верховного суда Великобритании в отношении изобретений, созданных с помощью ИИ, с решениями судов США, Европы, Австралии и Канады по аналогичным заявлениям, закрепляя глобальную позицию о том, что автономный ИИ не может быть признан независимым изобретателем (Thaler v. Hirshfeld (USA, 2022) ; Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trademarks (UK, 2023)).

⁴¹ В Российской Федерации разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 03.03.2025). Об этом см.: *Василевская Л. Ю.* Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19–22.

⁴² URL: <https://www.reuters.com/article/world/insight-amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK0AG/> (дата обращения: 03.03.2025).

пересмотр классического понимания категории правосубъектности и, возможно, формирование гибридной правосубъектности (квазисубъектности) для отдельных цифровых образований, так и расширение субъектного состава правоотношений.

Субъекты предпринимательской деятельности, руководствуясь собственными интересами, могут не только осуществлять свою деятельность в цифровой среде, сохраняя традиционные организационно-правовые формы, но и полностью вести бизнес в цифровом формате.

По сути, в настоящее время теоретически вопрос правосубъектности должен быть решен с учетом как минимум одного важного фактора: в цифровой предпринимательской среде действуют юридические лица в традиционных организационно-правовых формах, используя

щие цифровые технологии в отдельных сферах своей деятельности; «технологические гиганты» (иначе их называют Web2-организациями); цифровые коллективные децентрализованные формирования (сообщества), как правило основанные на технологии блокчейн (Web3-организации).

Другими словами, в цифровой предпринимательской среде правосубъектность становится расширенной, гибридной и динамической. В нее могут включаться автономные системы, цифровые платформы, децентрализованные организации и пользователи с изменяемым статусом. Социальное регулирование, построенное на сочетании права, технических норм и саморегулирования, размывает традиционные границы субъектов права, создавая новые формы правового взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М., 1982.
- Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68. DOI: 10.12737/jrl.2020.030.
- Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77. № 4. С. 9–23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023.
- Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.
- Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
- Бурьянова Е. И. Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
- Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.
- Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.
- Василевская Л. Ю. Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19–22.
- Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М. : Наука, 1977.
- Долгов С. Ф. Правовой обычай: современный взгляд на понятие // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 8. № 3. С. 31–36.
- Долинская В. В. Проблемы частноправовой квалификации и систематизации объектов интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25–36.
- Карцхия А. А. Правовая охрана достижений искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 4–16.
- Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 11–19.
- Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966.
- Мицкевич А. В. Избранное. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010.

- Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
- Новоселова Л. А., Полежаев О. А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165–172.
- Общая теория права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1995.
- Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. 2-е изд., доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.
- Харитонов Ю. С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 2–9.
- Черданцев А. Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2. С. 100–108.
- Чеховская С. А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 122–135.
- Чеховская С. А. Права на цифровые активы // Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации : науч.-практ. пособие / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2023. С. 140–151.
- Шнабутдинова А. Л. Правосубъектность и реализация права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011.
- Яковлев В. Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 27–44.
- Borgogno O., Martino E. D. Decentralised Autonomous Organizations: Targeting the Potential Beyond the Hype (January 12, 2024) // European Banking Institute Working Paper Series 161 ; Amsterdam Law School Research Paper № 2024-02 ; Amsterdam Center for Law & Economics, Working Paper No. 2024-01. URL: <https://ssrn.com/abstract=4692754> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4692754>.
- Calo R. Robots in American Law // Legal Studies Research Paper № 2016-04.
- Crouch D. D. Legal Fictions and the Corporation as an Inventive Artificial Intelligence (January 11, 2022). Forthcoming Chapter in Research Handbooks on Intellectual Property and Artificial Intelligence (R. Abbott, ed., University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper 2022-04) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4081569>.
- Data Cooperatives as Catalysts for Collaboration, Data Sharing, and the (Trans)Formation of the Digital Commons (April 8, 2023) / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. DOI: 10.2139/ssrn.4413371.
- Gadoni C. R. Data Cooperatives in Brazil: Applicability and Property Rights (June 8, 2021) // Revista de Direito e as Novas Tecnologias. São Paulo. n. 11. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=4048364> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4048364>.
- Genderen R. H. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? // Robotics, AI and the Future of Law / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, N. Forgó. Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2018. P. 15–55.
- Girish Sh., Avery M. Data Cooperative: Enabling Meaningful Collective Negotiation of Data Rights for Communities (December 1, 2022). DOI: 10.2139/ssrn.4414473.
- Habib L. V. The Expansion of the Theory of the Electronic Body (June 23, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4874945> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4874945>.
- Hao Y. The Rise of «Centaur» Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies (August 10, 2022) // Journal of The Patent and Trademark Office Society. 2024. 104. 71. URL: <https://ssrn.com/abstract=4186684> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4186684>.
- Houser K., Bagby J. W. The Data Trust Solution to Data Sharing Problems (March 5, 2022) // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law, Forthcoming 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4050593> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4050593>.
- Lovell J. Legal Aspects of Artificial Intelligence Personhood: Exploring the Possibility of Granting Legal Personhood to Advanced Ai Systems and the Implications for Liability, Rights and Responsibilities (May 10, 2023) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4749785>.
- Murawsky M. P., Herman K. E. Vermont Continues Its Blockchain Play: A Look inside the State's New Legislation // Blank Rome. September 13, 2018. URL: <https://www.blankrome.com/publications/vermont-continues-its-blockchain-play-look-inside-states-new-legislation> (дата обращения: 07.03.2025).

Singye J. U. S. Inventorship in the Age of AI: The Crucial Role of Human Conception (May 10, 2024) // URL: <https://ssrn.com/abstract=5052069> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5052069> (дата обращения: 07.03.2025).

Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. 1992. Vol. 70. P. 1231 ; Illinois Public Law Research Paper No. 09-13. URL: <https://ssrn.com/abstract=1108671>.

Unlocking the Power of Digital Commons: Data Cooperatives as a Pathway for Data Sovereign, Innovative and Equitable Digital Communities / M. M. Bühler, I. Calzada, I. Came [et al.]. DOI: 10.20944/preprints202304.0130.v1.

REFERENCES

- Alekseev SS. General Theory of Law: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1982. (In Russ.).
- Andreev VD. Dynamics of Regulating Artificial Intelligence. *Journal of Russian Law*. 2020;3:58-68. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.030.
- Bakhteev DV. The Legal Status of Artificial Intelligence Systems and Models of Differentiation of Legal Liability for Damage Caused by them. *Lex russica*. 2024;77(4):9-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023.
- Bogdanov EV, Bogdanova EE, Bogdanov DE. Problem of legal personality of a terminated legal entity. *Civil Law*. 2016;4:29-32. (In Russ.).
- Borgogno O, Martino ED. Decentralised Autonomous Organizations: Targeting the Potential Beyond the Hype (12 January 2024). *European Banking Institute Working Paper Series 161. Amsterdam Law School Research Paper № 2024-02. Amsterdam Center for Law & Economics, Working Paper No. 2024-01*, doi: 10.2139/ssrn.4692754. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4692754>. [Accessed 09.12.2025].
- Bratus SN. Civil Law Subjects. Moscow; 1950. (In Russ.).
- Bühler M. M., Calzada I., Came I. et al. Data Cooperatives as Catalysts for Collaboration, Data Sharing, and the (Trans)Formation of the Digital Commons. Preprint. 8 April 2023. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4413371>.
- Bühler MM, Calzada I, Came I, et al. Data cooperatives as catalysts for collaboration, data sharing, and the (trans)formation of the digital commons. Preprint. 7 April 2023, doi: 10.20944/preprints202304.0130.v1.
- Buryanova EI. Conditions that determine the legal personality of an individual (general theoretical aspect). Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Volgograd; 2006. (In Russ.).
- Calo R. Robots in American Law. Legal Studies Research Paper № 2016-04.
- Chekhovskaya SA. Digital Asset Rights. In: Volkoba NS, Emelyanov AC, Efremov AA, et al. Tereshchenko LK (ed.). *Human rights in the information sphere in the context of digitalization*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2023. (In Russ.).
- Chekhovskaya SA. On the issue of the legal status of artificial intelligence systems. In: Pashentsev DA, Zaloilo MV (ed.). *Subject of law: stability and dynamics of legal status in the context of digitalization: collection of scientific works*. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2021. (In Russ.).
- Cherdantsev AF. Specifics of legal reflection. *Pravovedenie*. 1973;2:100-108. (In Russ.).
- Crouch DD. Legal Fictions and the Corporation as an Inventive Artificial Intelligence (January 11, 2022). Forthcoming Chapter in Research Handbooks on Intellectual Property and Artificial Intelligence (R. Abbott, ed.). University of Missouri School of Law Legal Studies Research Paper 2022-04. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4081569>.
- Dolgov SF. Legal custom: a modern view of the concept. *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. 2022;8(74)3:31-36. In Russ.).
- Dolinskaya VV. Objects of Intellectual Property Rights: Problems of Private Legal Qualification and Systematization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021;5:25-36. (In Russ.).
- Gadoni CR. Data Cooperatives in Brazil: Applicability and Property Rights. 8 June 2021. *Revista de Direito e as Novas Tecnologias. São Paulo*. N. 11. 2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4048364>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4048364>.
- Genderen RH. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? In: Corrales M, Fenwick M, Forgó N (eds.). *Robotics, AI and the Future of Law*. Springer Nature Singapore Pte Ltd; 2018.
- Girish Sh, Avery M. Data Cooperative: Enabling Meaningful Collective Negotiation of Data Rights for Communities. 1 December 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4414473. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4414473.

Habib LV. The Expansion of the Theory of the Electronic Body. 23 June 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4874945 Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4874945>.

Hao Y. The Rise of «Centaur» Inventors: How Patent Law Should Adapt to the Challenge to Inventorship Doctrine by Human-AI Inventing Synergies (August 10, 2022). *Journal of The Patent and Trademark Office Society*. 2024;104, p. 71, doi: 10.2139/ssrn.4186684. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4186684>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4186684>.

Houser K, Bagby JW. The Data Trust Solution to Data Sharing Problems. 5 March 2022. *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*, Forthcoming 2022, doi: 10.2139/ssrn.4050593. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4050593>.

Kartskhia AA. Legal protection of artificial intelligence achievements. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2024;4:4-16. (In Russ.).

Kharitonova YuS. Custom in the Regulation of Relations with the Use of Digital Platforms. *Law and Business*. 2024;2;2-9. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Civil legal personality as a legal form. In: *Legal problems of civil legal personality: interuniversity collection of scientific works*. Issue 62. Sverdlovsk; 1978. (In Russ.).

Lovell J. Legal Aspects of Artificial Intelligence Personhood: Exploring the Possibility of Granting Legal Personhood to Advanced Ai Systems and the Implications for Liability, Rights and Responsibilities. 10 May 2023. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4749785>.

Matuzov NI. Subjective rights of citizens of the USSR. Saratov; 1966. (In Russ.).

Mitskevich AV. Selected works. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2010. (In Russ.).

Morkhat PM. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems. Dr. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract; 2018.

Murawsky MP, Herman KE. Vermont Continues Its Blockchain Play: A Look inside the State's New Legislation. Blank Rome. 13 September 2018. Available at: <https://www.blankrome.com/publications/vermont-continues-its-blockchain-play-look-inside-states-new-legislation> [Accessed 07.03.2025].

Novoselova LA, Polezhaev OA. On the Legal Regime of Civil Rights Objects Expressed In Digital Assets. *Zakon*. 2020;11:165-172. (In Russ.).

Pigolkin AS (ed.). General Theory of Law. Moscow; 1995. (In Russ.).

Polyakov AV. General theory of law: Phenomenological and communicative approach: course of lectures. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Publ.; 2003. (In Russ.).

Shngabutdinova AL. Legal personality and realization of the right. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Kazan; 2011. (In Russ.).

Singye JUS. Inventorship in the Age of AI: The Crucial Role of Human Conception. 10 May 2024, doi: 10.2139/ssrn.5052069. Available at: <https://ssrn.com/abstract=5052069> [Accessed 07.03.2025].

Solum LB. Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*. 1992;70:1231. *Illinois Public Law Research Paper No. 09-13*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1108671>.

Vasilevskaya LYu. The Code of Ethics for Artificial Intelligence: A Legal Myth and Reality. *Civil Law*. 2023;2:19-22. (In Russ.). DOI: 10.18572/2070-2140-2023-2-19-22.

Vavilin EV. The status of artificial intelligence: from object to the subject of legal relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Tomsk State University Journal of Law*. 2022;45:147-158. (In Russ.). DOI: 10.17223/22253513/45/10.

Vavilin EV. Transformation of Civil Legal and Procedural Relations with the Use of Artificial Intelligence: the Formation of New Legal Regimes. *Herald of Civil Procedure*. 2021;6:13-35. (In Russ.).

Vitruk NV. *Fundamentals of the theory of the legal status of a person in a socialist society*. Moscow; Nauka Publ.; 1977. (In Russ.).

Yakovlev VF. Sectoral method of regulation and civil legal personality. *Legal problems of civil legal personality: interuniversity collection of scientific works*. Issue 62. Sverdlovsk, 1978. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеховская Светлана Алексеевна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

д. 34, Б. Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
sch66@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Chekhovskaya, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Centre for Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

sch66@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 11 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 14.03.2024.

Revised 11.04.2025.

Accepted 15.11.2025.